А. А. ЧЕРТКОВСКИЙ

ПОКА Я ЖИВУ И ДЫШУ

18+

Арсений Чертковский

Пока я живу и дышу

«Автор»
2026

Чертковский А. А.

Пока я живу и дышу / А. А. Чертковский — «Автор», 2026

В КНИГЕ ПРИСУТСТВУЮТ АВТОРСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИВ мире, где Аномалия перекроила реальность, Яргомж стал ловушкой. Исполины пируют на крышах, Туманники стали новой вершиной пищевой цепи, Щелкуны заглатывают людей целиком, а Каверна прорастает прямо сквозь стены домов. Инженер Виктор ведет дневник, пытаясь сохранить крупицы здравого смысла, пока все, кого он любил, исчезают в этом кобальтовом кошмаре. Но самая глубокая тьма ждет его не в пасти мутанта, а в пустых глазах старого друга, который предлагает Виктору сделать выбор: бороться до конца или стать последним «шумом» в архиве умирающего мира. Это хроника конца, рассказанная тем, кто допил свой горький чай до дна. Цена выживания в Яргомже — это цена души.

© Чертковский А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 5
Глава 1. Холодный чай. 6
Глава 2. Скрежет пустоты. 7
Глава 3. Крах империи. 9
Глава 4. Первый провал. 12
Глава 5. Глухота земли. 14
Глава 6. Голос из бездны. 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Арсений Чертковский
Пока я живу и дышу

Часть 1

Различие между прошлым, настоящим и будущим — лишь стойкая иллюзия.
Альберт Эйнштейн

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем.
Фридрих Ницше

Время относительно. В 1985-м оно пахло свежим хлебом и пятилетками. В 1989-м оно пахнет кобальтом и остывшим чаем. Мы не просто строили империю, мы рыли себе желудок.
Арсений Чертковский

Глава 1. Холодный чай.

Поселок за окном постепенно растворялся в сумерках, как акварельный набросок, оставленный под дождем. Фонари зажигались неохотно, один за другим протыкая рыхлую мглу шафранными иглами света. В такие часы время перестает быть линейным. Оно больше не течет из прошлого в будущее, а сворачивается в уютный, тяжелый клубок, как старый кот на коленях.

Виктор сидел на кухне. В руках он держал чашку чая, от которой уже перестал идти пар. На стене мерно, с тяжелым металлическим лязгом, тикали часы «Янтарь». Каждый удар маятника отдавался в висках Виктора, словно кто-то вбивал маленькие гвозди в крышку гроба уходящего дня, в котором когда-то окажется и Виктор. Ему казалось, что если он сейчас шевельнется, то нарушит хрупкое равновесие этого момента. В комнате пахло старой заваркой, подгоревшей эмалью чайника и старой бумагой.

На кухонном столе лежал свежий номер газеты «Правда», но заголовки о перестройке и ускорении казались Виктору чужими, написанными на языке мертвых. Для него время не ускорялось. Оно превратилось в густой, липкий кисель, в котором завязли и этот поселок, и эта квартира, и он сам. Виктор посмотрел на свои руки — узловатые пальцы инженера, привыкшие к чертежам и логарифмической линейке. В 1985-м ему исполнилось 48. Половина жизни? Нет, по ощущениям — финал. Безысходность времени заключалась не в том, что оно шло быстро, а в том, что оно никуда не вело. Каждый прожитый год был лишь копией предыдущего, отпечатанной на плохой копирке: чуть бледнее, чуть грязнее, чуть меньше смысла.

На улице бесконечно шныряли прохожие в изношенных серых пальто. Минута ожидания маршрутки на ледяном ветру длилась вечность, а десятилетие его брака и службы в НИИ пролетело как один невнятный, тусклый сон. Время было несправедливо: оно забирало остроту чувств, оставляя взамен лишь усталость и пыльные папки в архивах. Оно не лечило, оно просто стирало человека, как ластик стирает неудачную линию на ватмане. Казалось хуже быть не может.

Он смотрел на отражение своего лица в оконном стекле. На фоне темных домов оно казалось призрачным, наложенным на сетку грязных улиц. Кем был этот человек в стекле? Был ли он суммой своих поступков или просто случайным свидетелем собственной несчастной жизни, которой скоро придет конец?

Виктор понял: даже если сейчас что-то изменится в стране, в газетах или в мире — для него уже поздно. Его личное время вышло в тираж. Он был деталью огромного механизма, который когда-то обещал вечное движение, а теперь просто скрипел, заржавев от дождей и равнодушия.

За стеной глухо захлопнулась дверь подъезда, где-то внизу взвизгнули тормоза Жигуленка, возвращая мир в привычное русло суеты. Но здесь, в коконе полумрака, все еще царил покой. Виктор сделал глоток холодного чая и вылил всю оставшуюся жидкость в раковину.

Тишина не была пустотой. Она была пространством, в котором наконец-то можно было услышать собственное дыхание. Завтра будет новый день, такой же, как этот. И в этом была самая страшная, окончательная безысходность, словно холодный чай, который минуту назад источал горячий пар, как думал на тот момент Виктор.

Глава 2. Скрежет пустоты.

Виктор долго не мог заставить себя подняться, но пустой холодильник, отозвавшийся гулким эхом на хлопок дверцы, продиктовал свою волю. Он натянул тяжелое, пахнущее пылью и старой шерстью пальто. В зеркале прихожей на него глянул человек с лицом, высеченным из серого бетона — глубокие складки у рта, глаза, в которых выгорел весь свет.

Уходя, он на секунду замер у телефона-автомата на тумбочке. Черный диск аппарата молчал годами. В его мире осталось всего две живые точки на карте: брат, живший где-то под Свердловском, чьи редкие письма приходили в конвертах с криво наклеенными марками, и Яков — друг детства, единственный, кто еще помнил Виктора не инженером Родионовым, а Витькой, мечтавшим о звездах. Виктор помнил многих: Елену из барака возле старой мельницы, соседа по лестничной площадке — Семеныча, продавщицу из «Каравая», бабку Марью и остальных жителей поселения, про которых толком нечего было рассказать. Все остальные люди превратились в статистов, в бессмысленный шум, в пыль, которую время лениво сметало в угол истории.

Улица встретила его липким, пронизывающим ветром. Снег, не успев коснуться асфальта, превращался в грязные слезы.

Но что-то в этот вечер было не так. Обычно апатичная, сонная толпа 1985 года сегодня напоминала растревоженный муравейник. Люди не шли — они почти бежали. Возле гастронома на углу сбилась кучка мужчин в одинаковых ондатровых шапках; они не курили сосредоточенно, как обычно, а размахивали руками, перебивая друг друга.

— Говорят, из Новосибирского института спецсвязь пришла! — долетел до Виктора обрывок фразы.

— Да какие там пробы почвы, Михалыч! Там Каверны такие, что все здание управления уйти может… Глубина ненормальная!

Виктор прошел мимо, едва не задев плечом какую-то женщину. Она даже не обернулась, продолжая жарко шептать своей спутнице:

— …специалисты из Новосибирска подтвердили. Почва под нами — как решето. Каверны, пустые пространства… все это время мы стояли на пустоте, понимаешь?

Родионов зашел в магазин. Здесь гул голосов был еще плотнее. Продавщица в синем халате, обычно медлительная и надменная, с каким-то лихорадочным блеском в глазах швыряла сдачу, не глядя на покупателей. Все вокруг говорили об одном и том же: Новосибирский институт, пробы, Каверны, угроза обрушения, смещение пластов.

«Каверны… пустота в почве», — равнодушно подумал Виктор, глядя на помятую пачку масла в своих руках. — «Как будто это что-то меняет».

Для него эта новость была лишена веса. Какая разница, провалится ли это село в тартарары, если он, Виктор Родионов, уже давно живет в собственной Каверне? Его личная почва ушла из-под ног годами ранее, оставив его висеть в безвоздушном пространстве между «вчера» и «никогда».

Безысходность времени в том и заключалась: люди вокруг суетились, боялись за свои жизни, за свои квартиры и вещи, надеялись на спасение из Новосибирска. А Виктор понимал относительность этого страха. Даже если земля разверзнется завтра, это будет лишь актом милосердия — мгновенным финалом долгого, мучительного гниения.

Он вышел из магазина, неся в сетке-авоське хлеб и масло. Прохожий, зацепив его пуговицей пальто, выпалил:

— Товарищ, вы слышали? Каверны расширяются! Нужно что-то делать!

Виктор посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. В этом взгляде было столько ледяного спокойствия, что незнакомец осекся и отступил.

— Поздно что-то делать, — тихо сказал Виктор, и его голос потонул в завывании ветра. — Мы все давно уже падаем. Просто некоторые летят медленнее других.

Он шел домой, и каждый его шаг по раскисшему тротуару казался ему движением по тонкой корке льда над бездной. Скоротечность жизни больше не пугала его — его пугала ее бесконечная, серая повторяемость. Каверны в земле были лишь отражением Каверн в душах тех, кто привык ждать перемен, не замечая, как время превращает их в тени.

Где-то далеко Новосибирский институт изучал пустоту. Виктор Родионов же носил ее внутри себя, и в этом он был гораздо большим экспертом, чем все ученые мира.

Глава 3. Крах империи.

Сетка-авоська больно врезалась в онемевшие пальцы, но Виктор не перехватывал ее. Физическая боль была единственным, что еще связывало его с реальностью. Он уже подходил к своему подъезду, когда из густой тени подворотни вынырнула фигура. Старая кожаная куртка-авиатор, вечно съехавшая набок кепка и безумный, лихорадочный блеск за линзами очков в толстой оправе.

Это был Яков. Единственный человек, который еще решался называть Виктора на «ты». Он выглядел старше своих лет — время пережевало его быстрее, превратив некогда блестящего архивиста в дрожащую тень самого себя.

— Витя, стой! — Яков вцепился в рукав его пальто. Его пальцы мелко дрожали, а дыхание вырывалось из груди хриплым свистом. — Не слушай их. Не слушай то, что они поют в очередях! Они думают, их спасать едут. Новосибирск, спасатели… дураки! Слепые кроты!

Виктор остановился, глядя на друга с привычной усталостью.

— Ты о чем, Яша? О Кавернах? Ну, провалимся и провалимся. Земле легче будет.

— Да не в Кавернах дело! — Яков сорвался на шепот, оглядываясь по сторонам, словно из-за каждого мусорного бака за ними следило Око. — Я узнал. Через десятые руки, через тех, кто еще не разучился читать между строк в спецхранах. Это не природа, Витя. Это не геология. Это Институт ядерной физики имени Бункера. Это они — наши «светлые головы» из Новосибирска.

Он потащил Виктора глубже в подворотню, где свет фонаря не мог достать их лиц. Яков заговорил быстро, захлебываясь словами, и в этом потоке технические термины перемешивались с первобытным ужасом.

— Они проводили испытания почвы, понимаешь? Им нужно было знать все: влажность на огромных глубинах, рыхлость, как пласты будут вести себя при тектонических сдвигах. Они создали зонды. Маленькие химические иглы, которые выстреливали на сотни метров вниз. И там, внизу, должен был происходить микровзрыв, импульс, чтобы приемники на поверхности считали эхо земли. Но знаешь, кто это делал? Мальчишки. Сонные студенты-практиканты, которые засыпали над таблицами изотопов!

Яков придвинулся почти вплотную, от него пахло валидолом и старыми книгами.

— Один из них… один несчастный мальчик перепутал элементы. Вместо обычного природного урана в начинку зондов пошел уран-235. Ты понимаешь, Витя? Делящееся вещество. Критическая масса. Но это еще не все. В составе был кобальт. А студент просто ошибся строчкой в списке реагентов, когда готовил эту «бурду» для запалов. Он думал, это просто присадка для стабилизации...

Виктор вдруг замер. В его мозгу, запыленном годами равнодушия, внезапно щелкнуло реле. Инженерное прошлое, которое он считал мертвым, подало голос.

— Кобальт? — тихо переспросил он. — Если в зону ядерной реакции попадает кобальт-59, он превращается в кобальт-60. Мощнейший источник гамма-излучения. С периодом полураспада в пять лет…

— Да! — Яков почти вскрикнул. — Они создали не зонды. Они создали сотни маленьких кобальтовых бомб прямо у нас под ногами! Эти «Каверны» — это не пустоты, это зоны термического и радиационного разложения грунта. Почва под городом превращается в радиоактивный кисель. И Новосибирск едет сюда не спасать нас, Витя. Они едут замерять параметры своего провала. Мы для них — лабораторные крысы в огромном бетонном лабиринте, который вот-вот сложится внутрь себя!

Виктор почувствовал, как по спине пробежал странный, забытый холодок. Это не был страх смерти. Это был азарт исследователя, увидевшего масштаб катастрофы. На мгновение он представил себе эту цепочку: сонный студент в холодном кабинете, неверная цифра в ведомости, лязг металла в шахте — и неминуемый, физически обоснованный конец целой цивилизации. Его глаза расширились, спина выпрямилась. В эту секунду он не был Виктором Родионовым, доживающим свой век. Он был частью грандиозного, жуткого чертежа. Мир обрел логику. Пусть это была логика уничтожения, но в ней был смысл, была структура, была математическая точность.

«Так вот почему время кажется таким густым», — подумал он с внезапным вдохновением. — «Оно просто перенасыщено радиацией раскрытия».

Ему захотелось спросить про глубину залегания, про критические пороги, про то, есть ли у них время на эвакуацию… Его губы разомкнулись, чтобы произнести вопрос, который мог бы стать началом его возвращения к жизни.

Но в этот момент Яков закашлялся — тяжело, надрывно, хватаясь за грудь. Этот звук, такой земной и болезненный, мгновенно разрезал натянутую струну интереса.

Виктор посмотрел на свои пальцы, побелевшие от тяжести авоськи с маслом. Взгляд его снова потух. Какая разница? Ошибка студента или ошибка бога — итог один. Уран-235, кобальт, Каверны… это были лишь новые декорации для старой пьесы. Безысходность не изменилась, она просто обрела химическую формулу.

— Все равно, Яша, — тихо сказал Виктор, обрывая друга на полуслове. — Уран или просто гниль… Какая разница, что именно нас похоронит?

Порыв интереса исчез так же резко, как и появился, оставив после себя лишь еще более горький привкус пепла во рту. Виктор осторожно высвободил рукав из пальцев Якова.

— Иди домой, Яша. Выпей чаю. Скоротечность времени не лечится знанием физики. Нам просто не повезло оказаться в этой точке пространства. Относительно вечности — это лишь вспышка.

Он развернулся и пошел к тяжелой двери подъезда. Яков остался в тени, что-то бормоча о периодах полураспада, но Виктор его уже не слышал. Он входил в темноту своего дома, точно зная, что под его ногами — не твердь, а медленно сгорающая ложь, созданная чьей-то случайной усталостью. И это знание не делало его живым. Оно лишь делало его смерть более обоснованной.

Поднявшись в квартиру, Виктор не стал зажигать свет в прихожей. Он скинул ботинки и, не раздеваясь, прошел в комнату, где у стены стоял старый дубовый секретер. Руки сами потянулись к нижней полке, извлекая на свет тугую папку, перевязанную выцветшей тесемкой.

Внутри лежали его личные копии отчетов пятнадцатилетней давности. Чертежи, расчеты напряжений, графики деформации грунтов… В желтоватом свете настольной лампы линии казались живыми венами на теле давно мертвого гиганта. Виктор смотрел на свои каллиграфические подписи и аккуратную тушь, и вдруг почувствовал странный, пугающий укол в груди.

«Что-то изменилось», — подумал он, и эта мысль была страшнее любого осознания смерти. — «Я ведь... я ведь не просто смотрел. Я видел. Я понимал, как это устроено».

Ему казалось, что внутри него, глубоко под слоями апатии и серого советского быта, зашевелилось что-то давно забытое. Словно ржавая шестерня в старых часах вдруг сделала один натужный оборот. В этом чертеже, в этой сложной системе векторов он видел себя прежнего — человека с потенциалом, способного предсказать трещину в бетоне за годы до ее появления. Но этого не могло быть. Время — это дорога в один конец, и оно не возвращает утраченную искру. Этот внезапный порыв интереса был не спасением, а последней судорогой утопающего.

— Ты уже пуст, Родионов, — прошептал он сам себе, коснувшись пальцами чертежа фундамента. — Потенциал — это лишь иллюзия движения в камере-одиночке.

Он хотел было закрыть папку и навсегда спрятать этот призрак своей состоятельности, как вдруг тишину квартиры разорвал телефонный звонок. Звук был настолько резким и неуместным, что Виктор вздрогнул, едва не опрокинув лампу.

Он подошел к аппарату и снял тяжелую трубку. На том конце провода было слышно только тяжелое, свистящее дыхание, перемежающееся с каким-то металлическим скрежетом.

— Алло? — голос Виктора прозвучал хрипло.

— ОТ ЛОНДОНА ДО ВЛАДИВОСТОКА, ВИТЕК, ОТ ЛОНДОНА ДО ВЛАДИВОСТОКА! — Заорал в трубку Яков. Его голос не принадлежал человеку, это был надтреснутый колокол, бьющий набат в пустом городе.

Затем последовал смех. Это был припадочный, лающий хохот, в котором не было ни капли веселья — только голый, кристаллизованный ужас, перешедший в стадию абсолютного безумия. Трубка отозвалась короткими, равнодушными гудками.

Виктор медленно опустил руку. Слова Якова заполнили комнату, вытесняя запах пыли.

От Лондона до Владивостока…

Картина сложилась мгновенно, с той самой инженерной точностью, которую он только что оплакивал. Это не было локальным сбоем в Новосибирске. Те пробы, те «химические зонды», те тысячи микровзрывов, которые ученые из Академгородка по наивности или по приказу считали «мирным экспериментом по изучению структуры континента» — все это было частью единой цепи.

Они прошили кобальтовыми иглами все тело Евразии. Сонный студент не просто ошибся в одном зонде — он внес неверную константу в саму формулу состава, который производили эшелонами. Ученые думали, что прощупывают пульс земли, а на деле они закладывали детонаторы в ее позвоночник. И теперь, когда ошибка стала очевидна, когда почва начала превращаться в радиоактивное решето, они не остановятся. Наоборот. Безысходность ситуации превращала ее в единственный выход: если все равно все рухнет, нужно сделать это контролируемым. Сделать это своим преимуществом. Сделать катастрофу оружием, раз уж она все равно неизбежна.

Виктор посмотрел на свои старые чертежи. Они больше не казались ему символом его силы. Теперь они выглядели как детские рисунки мелом на палубе «Титаника».

Относительность времени сыграла с ними злую шутку: пока они строили «светлое будущее» и копили на мебельные гарнитуры, под их ногами — от берегов Темзы до скал Тихого океана — медленно раздувалась гигантская кобальтовая язва.

Он сел обратно в кресло. Порыв интереса, вспыхнувший в нем минуту назад, не просто погас — он превратился в ледяную корку. Знать о конце света оказалось скучнее, чем знать о собственной смерти. Потому что теперь даже тишина его квартиры была ложью. Весь континент, все это пространство, за которое люди дрались, умирали и строили заводы, было лишь тонкой кожурой над ядерным адом.

Виктор Родионов закрыл глаза. Ему казалось, что он слышит, как там, на глубине сотен метров, кобальт-60 жадно вгрызается в плоть земли, превращая время в радиоактивный пепел. И у него рядом не было даже брата или друга, чтобы разделить это знание. Разделить...

— Точно! Нужно всем рассказать про то, что произошло на самом деле! Всем! Всем? Всем... Но кто же мне поверит? — прошептал Виктор.

Глава 4. Первый провал.

Тянулись минуты, часы, дни. Минуты тянулись, как часы, а часы как дни. Время тянулось словно старая грампластинка с заедающей иглой — один и тот же момент повторялся, застревая в монотонном цикле.

Три недели прошли в каком-то липком, полузабытьи. Время окончательно потеряло свою структуру, превратившись в монотонную серую ленту, которую кто-то бесконечно прокручивал перед глазами Виктора. Ноябрь сменился декабрем, ударили первые настоящие морозы, но они не принесли очищения — лишь сковали грязь на дорогах, превратив ее в острые, режущие камни.

Виктор почти не выходил из квартиры. Он ждал. Каждое утро он включал радиоприемник «Альпинист», ловя среди бравурных маршей и отчетов об очередных трудовых победах тот самый звук — звук рвущейся ткани реальности. Он знал, что это случится. Он высчитал это на полях старой газеты: критическая масса, накопленная в зондах, прогрев пластов, химическая эрозия. Евразия медленно «закипала» изнутри, и первой должна была сдаться слабая плоть — болота.

В эти три недели Виктор чувствовал себя патологоанатомом, наблюдающим за еще живым телом. Относительность времени теперь проявлялась в жутком контрасте: для соседей, обсуждавших покупку дефицитных мандаринов к Новому году, дни летели в суете. Для Виктора каждая секунда была вечностью, наполненной ожиданием первого удара. Безысходность стала его единственным собеседником. Яков больше не звонил — после того безумного крика в трубку его телефон замолчал, и Виктор не пытался узнать почему. Возможно, Яков уже был там, где время не имело значения.

И вот, на исходе третьей недели, это случилось.

Сообщение было коротким, запрятанным в региональный блок новостей, зачитанным дикторским голосом, лишенным всяких эмоций. Но Виктор услышал каждое слово.

Череповец. Вологодская область.

На окраине города, там, где промышленные зоны упирались в бескрайние, вековые болота, земля просто перестала существовать. Это не было землетрясением. Очевидцы говорили о странном, низком гуле, похожем на стон огромного зверя, а затем — о тишине. Огромный кусок территории, вместе с линией электропередач и складскими помещениями, бесшумно ушел вертикально вниз.

Но самое страшное было не в обрушении. Диктор вскользь упомянул о «необычном тумане» и «химическом свечении», исходящем из образовавшейся воронки.

Виктор выключил радио. Он подошел к окну и посмотрел на свои ладони. Они мелко дрожали.

«Череповецкие болота», — подумал он. — «Идеальное место. Избыточная влажность, кислая среда. Кобальтовый детонатор сработал быстрее из-за грунтовых вод».

— Да это же в пяти километрах от Яргомжа! Черт! Все это началось именно с нас...

В этот момент Виктор почувствовал какую-то неописуемую тягу к жизни. Любовь к жизни. В его голове вспыхнула мысль, что ему нужно бороться за свою жизнь до самого конца. Но она угасла так же быстро и непринужденно, как появилась.

Это была Каверна. Но не природная пустота, а рана, прожженная в теле земли той самой «бурдой» из Новосибирска. Уран-235 запустил цепную реакцию, превратив зонд в миниатюрный реактор без защиты, а кобальт сделал его вечным источником заражения. Почва под Череповцом не просто провалилась — она превратилась в радиоактивную плазму, разъедающую все вокруг.

Безысходность, которую он чувствовал раньше, теперь обрела масштаб катастрофы мирового уровня. Если это началось в Череповце, значит, процесс пошел по всей сети. От Лондона до Владивостока. Тысячи иголок, вонзенных в материк, начали синхронно пульсировать смертью.

Виктор представил себе, как эти Каверны растут под городами, под школами, под заводами, под его собственной пятиэтажкой. Время, которое он считал своим врагом, теперь стало его палачом. Оно было скоротечно — у них оставались считанные месяцы, может, год, прежде чем континент превратится в архипелаг из бетонных обломков, плавающих в радиоактивном болоте.

Он снова вспомнил сонного студента в Новосибирске. Одна ошибка. Одна перепутанная строчка. И целая цивилизация, со всеми ее ракетами, лозунгами и амбициями, оказалась заложницей человеческой усталости.

Виктор Родионов сел на край кровати. Он вдруг понял, что больше не боится. В этом грандиозном финале была какая-то высшая, ледяная справедливость. Человечество так долго пыталось покорить время и пространство, что в итоге просто провалилось в дыру, созданную собственным невежеством.

За окном Череповец умирал в голубоватом свечении кобальта, а где-то в Москве, люди все еще спешили по своим делам, не зная, что их время уже не просто относительно — оно конечно. И этот финал был написан не в Лондоне и не в Кремле. Он был написан в маленькой Каверне под череповецким болотом, где земля впервые не выдержала тяжести человеческого безумия.

Глава 5. Глухота земли.

Яргомж встретил декабрьское утро запахом мокрой золы и застоявшейся воды. Здесь, в нескольких километрах от Череповца, близость катастрофы ощущалась кожей — воздух казался густым, словно наэлектризованным перед грозой, которой не суждено было случиться. Виктор Родионов шел по разбитой сельской дороге, мимо покосившихся заборов и угрюмых серых изб. Его сапоги тяжело вязли в подмерзшей колее.

У местного сельпо, где в очереди за хлебом толпились немногочисленные жители, царило странное оживление. Но это было не то живое любопытство, что созидает, а лихорадочный шепот обреченных.

— Здорово, Петрович, — Виктор кивнул соседу, старому трактористу с лицом, изрезанным морщинами, как пашня. — Слышал новости? Из Новосибирска еще три борта в Череповец пригнали. Техника диковинная, все в свинцовых чехлах.

Петрович сплюнул под ноги желтую слюну и поправил шапку.

— Слышал, Витек, как не слышать. Спасатели, слава богу. Говорят, заделают провал, цементом зальют или какой химией новой. Ученые люди, им виднее. Глядишь, и у нас земля дрожать перестанет.

Виктор почувствовал, как внутри него вскипает холодная ярость. Он шагнул ближе, глядя Петровичу прямо в глаза — пустые, полные детской надежды на «государство» и «науку».

— Да какие они спасатели, Петрович? — голос Виктора сорвался на хрип. — Ты пойми, они не латать приехали. Они приехали смотреть, как мы догораем! Это их зонды прожгли дыры под нами. Институт Бункера… они отравили почву кобальтом. Они сейчас замеряют, как быстро Каверны сожрут область, чтобы знать, сколько у них времени на других участках. Они — не врачи, они патологоанатомы!

Очередь притихла. Несколько женщин испуганно перекрестились, а толстая продавщица в дверях сузила глаза.

— Опять ты за свое, Родионов, — буркнул Петрович, отворачиваясь. — Горе от ума у тебя. В газетах пишут: «плановые исследования». А ты — враги, кобальт… Иди проспался бы. Ишь, инженер нашелся.

Виктор оглядел их всех — забитых, усталых людей, которые цеплялись за ложь, потому что правда была слишком тяжелой, чтобы ее нести. Для них спасение было в серых халатах, а для него эти халаты были саванами. Безысходность его положения заключалась в том, что он был единственным зрячим в городе слепцов.

— Якова не видел? — спросил он тише, чувствуя, как бессилие придавливает его к земле.

— Яшку-то? — подала голос бабка Марья из конца очереди. — Так пропал Яшка. Три дня как хата на запоре, а коза его в сарае от голода орала, пока соседи не прирезали. Говорят, за ним ночью «воронок» приехал. Или сам ушел в лес… Да только из леса теперь никто не возвращается.

Виктор похолодел. Пропал. Значит, Яков знал слишком много и кричал слишком громко.

— По всему Союзу теперь так, — зашептал молодой парень, стоявший рядом, опасливо озираясь. — Вчера по радиоперехвату слышали: в Свердловске стадион просел, в Киеве под Днепром Каверна открылась. Маленькие, говорят, но глубокие — дна не видать. И свет из них… сиреневый такой, как от сварки.

— А животные? — спросил Виктор.

— Вот-вот! — подхватила бабка Марья. — Скотина-то вся извелась. Собаки в Яргомже еще на прошлой неделе выть перестали — попрятались, а потом и вовсе пропали. У Степано-

вых корова прямо из стойла исчезла. Двери закрыты, пол цел, а коровы нет. Только пахнет в сарае странно… озоном, что ли. Говорят, Каверны эти — они как пылесосы. Всасывают в себя все живое, что поблизости окажется.

Виктор смотрел на серые облака, ползущие над Яргомжем. Скоротечность жизни теперь измерялась не годами, а количеством оставшихся собак в деревне. Время вытекало в Каверны, унося с собой привычный мир.

Он развернулся и пошел прочь от магазина, не взяв хлеба. Его никто не слышал. Люди продолжали ждать «спасателей» из Новосибирска, не понимая, что те уже давно вычеркнули Яргомж, Череповец и их самих из списков живых. Каверны открывались повсюду, как гнойники на теле больного тифом, и тишина, наступавшая после их появления, была тишиной окончательного, бесповоротного конца.

Он шел к дому Якова, зная, что найдет там только пустые стены и запах гари. Мир вокруг становился призрачным, относительным, а единственной реальностью оставался холодный кобальтовый огонь, медленно пожирающий землю под его ногами.

Глава 6. Голос из бездны.

Дом Якова стоял на самой окраине Яргомжа, почти упираясь забором в угрюмую стену подступающего леса. Раньше это был крепкий коттедж, один из лучших в селе, но сейчас он выглядел как покинутый склеп. Калитка была сорвана с одной петли и сиротливо билась о столб на ледяном ветру. Ни слуху, ни духу — ни привычного лая соседских собак, ни дыма из трубы. Дом буквально умер.

Виктор вошел на участок, чувствуя, как липкая тишина забивается в уши. Он обошел жилое здание и направился к сараю. Тяжелая дверь поддалась с натужным скрипом. Внутри пахло прелой соломой и чем-то кислым. Виктор отодвинул гнилые доски и спустился в овощную яму, где Яков обычно хранил запасы на зиму. В полумраке белели пустые полки. Картошка, банки с закатками — все исчезло. Только голая, промерзшая земля.

Он уже собирался вылезать, как вдруг наверху, за углом дома, мелькнула тень. Кто-то шмыгнул в сторону дровяника, едва Виктор показался из сарая.

— Яков! — рявкнул Виктор. — Стой, сволочь!

Он бросился наперерез, едва не поскользнувшись на обледенелой колее. Он настиг фигуру у самого забора. Это действительно был Яков, но узнать его было трудно: осунувшееся лицо, глаза, запавшие так глубоко, что казались просто черными дырами, и пальцы, перепачканные в чернилах и какой-то серой пыли.

Виктор схватил его за грудки и с силой прижал к стене дровяника.

— Какого черта, Яков?! — закричал он, срываясь на хрип. — Какого черта ты знаешь так много про эти Каверны?! И какого лешего ты так надолго пропал, когда здесь все начало рушиться?! Ты меня за идиота держишь?!

Яков дернулся, пытаясь высвободиться, его дыхание было частым и неровным.

— Пусти, Витя… Ополоумел совсем… — прохрипел он.

— Не пущу! Отвечай! — Виктор тряхнул его так, что голова Якова мотнулась. — Люди пропадают, скотина исчезает, а ты прячешься в лесу, как дезертир! Где ты был?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.